

Литературная газета

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 5 (496)

Четверг, 24 января 1935 года.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Э. БАГРИЦКОГО, А. ВОЛОТНИКОВА,
М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, И. СЕЛЬВИНСКОГО, А. СЕЛИВАНОВСКОГО,
М. СУБОЦКОГО, М. СЕРЕБРИНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСИЕВИЧ.

Среди этих бушующих волн
экономических потрясений и воен-
но-политических катастроф
СССР стоит отдельно, как утес,
продолжая свое дело социалисти-
ческого строительства и борьбы
за сохранение мира.

СТАЛИН

(из ДОКЛАДА НА XVII СЕЗДЕ ПАРТИИ)

ХОЗЯИН СТРАНЫ

Завтра открывается VII всесоюзный съезд советов.

Огромная, уходящая вдаль перспектива большого кремлевского зала наполняется многоголосым говором, приветствиями, рукоплесканиями, улыбками тысяч людей. Это будет встреча знатных людей Советской страны, представляющих все новейшее многообразие ее географии, переделываемой руками трудящихся — от арктических льдов до знойных якоев Каира-Кума — на потребу социалистического строя, все изумительную многогранность попуторства народов, обединенных в братском Союзе советских социалистических республик.

С трибуны съезда прозвучат на весь мир пристые, но полные высокого исторического значения, слова о победах социалистического плана, о трудовом энтузиазме миллиардов, о новой культурной зажигательной жизни, о грандиозных перспективах социалистической стройки. Уравновешенный народ и плавленый грузы, обстоятельный украинец и порывистый таджик — все они будут говорить об одном: о победном шествии социализма, о заводах-гигантах, вырастающих и на окраинах, об электростанциях, преграждающих течение горных рек, об изумительных машинах, созданных руками советских инженеров, о растущем плодородии колхозных полей. Они расскажут о том, как спокойный, привычный взглядом проходит охотник северной тайги, пропевающий над его головой мощный советский, как уверенно повергает дыхание-узбек руль мощного гусеничного трактора, как внимательно слушает бетховенский концерт через науки радио Белорусской колхозники, как растет, крепнет, радуется, поет многомиллионное племя нашей советской молодежи.

На всем этом колоссальном рапорте Советской страны будет разить боевые знамя нашей большевистской партии, будут громко звучать имена двух людей, в которых — все величие нашей революционной эпохи — имена Ленина и Сталина.

В недавние траурные пенинские дни эти два имени снова сплетались, сплетались в неразрывное единство в сознании каждого рабочего, каждого колхозника нашей страны.

Когда умер Маркс, и его могиле Энгельса произнес печальные слова: «Человечество стало ниже на голову». В то время на берегах Волги, в царской России, тридцатилетний гений назвал Ульянова только начинкой приближающейся к идеям великого освободительной борьбы трудящихся. Половина десятилетия прошло между смертью Маркса и тем периодом, когда Ленин вновь поднял высокое его знамя на русской почве, международное знамя революционного марксизма, уже оплощенное революционистскими изверганиями социал-демократических элитиков. Великий симметрический революционных рабочих нашей страны и всего мира было, что уж при жизни Ленина, рука об руку с ним, как лучший ученик, спутник и друг, борясь за чистоту пути в отдалении от уголков страны.

пропетарского знамени партии, рабочие массы на Октябрьский штурм, воодушевляя полки советов в гражданских боях, строили и укрепляли советское государство — великий преемник великого Ленина, гениальный вождь большевиков, мудрый кормчий советского корабля — тов. СТАЛИН.

Как в дни плененного траура, так и в дни Съезда советов, в каждый день нашей работы, каждая цифра наших индустриальных побед, каждый центр хлеба с колхозным плюсом, каждый факт трудового героизма на бесчисленных стройках советской земли — говорят и будут полным голосом говорить о том, что бессмертное дело Маркса и Ленина — в верных руках, в руках железной ленинской партии, возглавляемой великим СТАЛИНЫМ.

Съезд советов демонстрирует перед всем миром НЕЗЫБЛЕМУЮ МОЩЬ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ в Советском Союзе, победоносно строящим бес民族文化 социалистическое общество. Никакие вылазки разгромленного, но еще не добитого классового врага, никакие судорожные попытки белогвардейских выродков своими грязными предательскими руками наносить из-за угла удары Советской страны, никакое предательство гнусного контрреволюционного, троцкистско-зиновьевского белогвардейского отребья — не остановят хода истории, не поколебят тога факта, что десятки миллионов трудящихся Советской страны стоят нерушимой стойкой, стоит под знаменем советов, как никогда сплотченные вокруг ленинской партии во главе с великим СТАЛИНЫМ. Укрепление диктатуры пролетариата, ее авторитета, ее мощи, неутихающая революционная классовая бдительность каждого трудающегося на отведенном ему участке великой социалистической стройки, беспощадный разгром и искоренение всех, кто посмеет поднять руку против партии и советской власти — вот за что будет голосовать VII съезд советов, каждым словом своих революций.

Всесоюзный съезд советов — подлинный праздник советской культуры. Под руководством партии, под мудрым водительством великого СТАЛИНА мы поднялись на огромные высоты культурного развития. В городах рабочий приобщается к величайшим ценностям культуры прошлого, к достижениям науки и философии; в производстве, в быту и отдыхе он все больше находит путь для всестороннего творческого развития своей личности. Зажигательная коммунистическая жизнь в деревне приносит с собой театр, кинематограф, радио, книгу, которым тянутся миллионы глаз колхозной молодежи. В аудиториях высших школ, научных лабораториях, над трудами величайших представителей мировой научной мысли склоняются головы рабочих и колхозных студентов, аспирантов, научных работников. Советская художественная литература стала любимым делом людей труда, она проложила себе путь в отдаленные уголки страны.

КАК ПИСАТЕЛЯМ РАБОТАТЬ НАД БИОГРАФИЕЙ ЛЕНИНА

Я считаю, что «сочинять» биографию Ленина не может ни один писатель, как бы талантлив он ни был. Писатели могут сделать очень многое для того, чтобы сделать воспоминания о Ленине живыми, говорящими. Быстро меняется жизнь. И наша молодежь очень многое из того, что было 20, 30, 40 лет назад, представляет себе очень наивно, очень упрощенно. Молодежь не представляет себе той обстановки, в которой шла борьба, не представляет себе тех трудностей, которые надо было преодолеть. Меряют все на теплешний аршин. Общие фразы, характеризующие то время, им мало что говорят. И вот в живых образах надо показать тоглащность эпохи. Того, что будет Ильину, то часто молодежь чувствует, что что-то от нее ускользает, живого Ильину не винят и беспомощно спрашивают: у него на голове что было: когда он приехал из-за границы, — шапка или котелок? Не в шапке и котелке дело. Есть очень хорошая книжка «Рассказы рабочих о Ленине», выпущенная в 1934 г. в издании Профиздата. Там собраны рассказы по принципу — воспоминания нескольких рабочих об одном и том же. Особенно характерны рассказы рабочих о приезде Ильину из-за границы. Насчет деталей, на этот вопрос, был ли Ильин в котелке или в шапке, воспоминания расходятся, но зато ярким ключом бьет из всех воспоминаний одно — как близок был Ильин этим в первый раз визионерам, какой любовью к нему

бились их сердца, как все они, вспоминая в этот момент — в апреле 1917 г. — страстным желаниям как можно шире развернуть борьбу, уверенные в победе, видели в Ильине своего вождя.

Для того чтобы понять то, что на каждом этапе сближало так Ильину с массой, надо понимать, чем жила в тот или иной момент рабочая и крестьянская масса, и если это сумеют дать писатели, т. е. сумеют дать рамку для биографии Ильину, это будет большое дело. И еще одно. Наши советские писатели все теснее и теснее связываются с массами. И они могут очень многое сделать для того, чтобы выявить, что в данный момент делает Ильин близким тому или иному слою трудающихся, потому что он продолжает жить в их сердцах.

Поясню свою мысль примером. Пять лет назад, когда широко стала развиваться колхозизация, крестьяне засыпали меня вопросами: — что говорил Ленин о колхозах. Тогда я написал брошюру «Что говорил Ленин о колхозах и о мелком крестьянском хозяйстве», — она разошлась в двух тиражах, один в 200, другой в 300 тысяч. Прежде чем пустить ее, я пробовал проверить, как она воспринимается, и я спросилась о том, что ее прочтут в трех разных местах: крестьянам, где нет колхозизации, — было для этой цели напечатано одно село Балужской губернии, — затем в Рязанской губернии взяли один малый колхоз в другом уезде той же Рязанской губернии, ому старую коммуну. С то-

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ДЕТГИЗ

1 694 названия выпустило за последние четыре года для молодежи нашей страны издательство «Молодая гвардия».

Ими выпущен ряд полных собраний сочинений лучших писателей прошлого, издано и подготовлено к издаанию большую половину томов академического Толстого, полных собраний сочинений Н. Щедрина, Гете и др.

Всего за три года издательствами издано 248 названий (9.688 тыс. экз.) сочинений классиков. В эту цифру не вошли 32 названия — 2.071 тыс. экз. «Школьной серии», переданных Детгизу в 1934 г.

По иностранной литературе за трехлетие выпущено 104 названия. Общий тираж произведенных иностраных писателей — 904 тыс. экз.

Свыше 100 художников работают в издательстве над оформлением книг. В. А. Фаворский, А. И. Кравченко, В. А. Мишансевский, А. А. Суворов, Рерберг, народный художник Грузии Салыян, Дегтярев и много других известных мастеров обединило издательство вокруг себя.

Среди изданных ГИХЛ и Гослитиздата выпущены в полумиллионном тираже.

Среди изданных ГИХЛ и Гослитиздата есть не мало прекрасных изданий.

Детгиз может быть назван самым молодым советским издательством не только потому, что книги его читаются наиболее юным читателем. Ведь года еще не прошло, как издательство выпустило свою первую книгу.

С февраля 1934 г. Детгиз издал 201 название с общим тиражом

10 500 тысяч экз.

3 308 тысяч (38 названий) выпущено издательством для дошколья. Лучшие из них — «Наши ясли» Александровой, «Вырезай и печатай» Абрамова — изданы стотысячными тиражами. В 1935 г. книжки Александровой будут переизданы в количестве 500 000 экз.

Для ребят младшего возраста Детгиз издал 39 названий (2 748 тыс. экз.). В 30-тысячном тираже вышли «Остров в степи» Первовской и Замчалова, в 45-тысячном тираже — «Ребята и зверята» Первовской и много других интересных книг.

В 200-тысячном тираже издана «Каштанка» Чехова, иллюстрированная прекрасными рисунками Д. Н. Каридова.

Для среднего и старшего возрастов издано 73 названия, общим тиражом 2 905 тысяч экз. В этом разделе нужно отметить «Колхиду» и «Озерный край» Паустовского, «Ученика чародея» Касилья, «Повесть о сорока семи низких чинах» Л. Рубинштейна, являющиеся несомненным достижением советской детской литературы.

2 524 тысячи книг (111 названий) выпущено для пионеров.

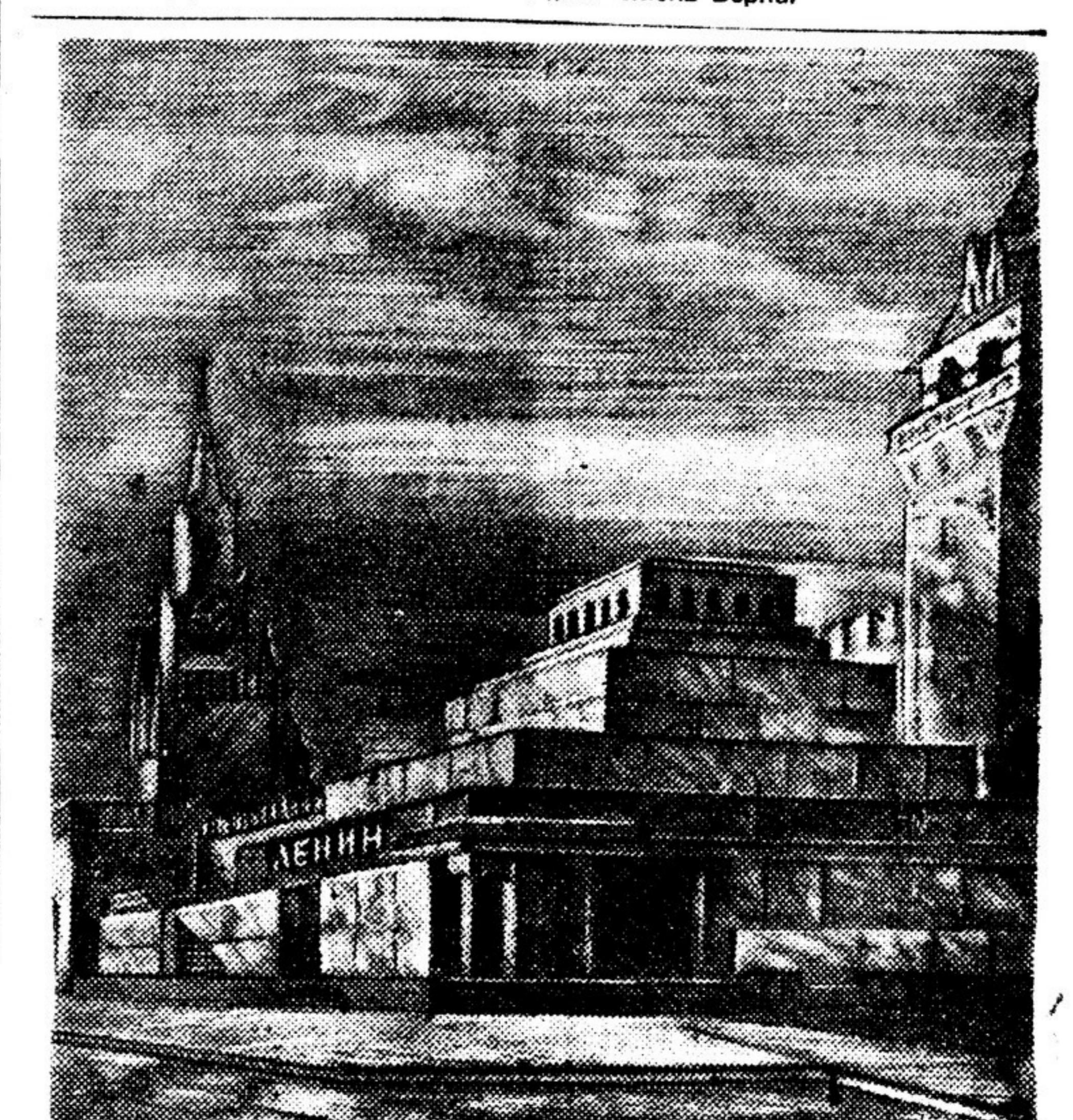
2 424 тысячи экз. (177 названий) издано «Молодой гвардии» по различным отраслям знаний, глазным образом по естествознанию и географии. Здесь нужно отметить выпуск трех книг известного исследователя дальнего Востока Арсеньева: «По Уссурийскому краю», «Дорсу-узала» и «В дебрях Приморья».

314 названий (776 000 экз.) выпущено за 1932—34 гг. на различных языках национальностей СССР.

Но есть в работе издательства и недостатки. К ним в первую очередь нужно отнести неясное художественное оформление книг.

1 475 тысяч книг (26 названий) издано в школьной серии классиков.

Помимо этой серии произведения лучших писателей прошлого вышли отдельными изданиями. Для младшего возраста выпущены «Дед Мазай и зайцы» Некрасова, басни Крылова и др., для среднего и старшего возраста — «Робинзон Крузо» Дефо, «Дети капитана Гранта», «Гавайи-остров», «80 000 лье под водой» Жюль Верна.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАБАВЫ

3

Классовое начало — не мосоль, не софия, гениально построенной на изучении политэкономии. Люди эти живут в стране, где взаимодействие вещей — элементов, явления — пришло к характеру фантастически бурного, где миллионы людей волеются в процессы строительства чудовищных сооружений, называемых лицом страны, в производство невиданных машин, аппаратов, орудий труда, предметов быта, где люди создают новые соотношения различных видов материального и духовного мира, это свойство действительно изменяет мир, и не только физически изменяет формы материи, вытесняет ее упрямые тяжести в круг своих интересов, все более широкий. В этом мире, уже частично измененном энергией человека, эта энергия становится все более коллективной силой, играет роль все более своеобразного катализатора, алементов и энергии материи. Материя рождается, решительно заявляя о себе, как о матери всех явлений мира, о матери опицательством на духом, а самоопицательством той точечной и могучей энергии, которую она создала, вместе с тем которой является человек; недавний ее пленный и раб, вышел он становиться владыкой всего сущего. Так, мне кажется, надо понимать исторический процесс, предвиданный и углубленный Лениным, и все более углубляемый и расширяемый неутомимой работой Сталина, вождя партии, воспитывающей вождя пролетариата.

Статьи молодых критиков нападают бесплодностью, отвлеченностю, мертвенною сухостью из языка, номинализмом и многословием стихастов. В этих статьях почти не чувствуется живой плоти, не спынено властного глаза истории, нет освещения фактов. Критиков, видимо, не интересуют и незнакомы им современные состояния и работы экспериментальных наук как на Западе, так и в СССР. С. С. Республики. Их статьи, перегруженные философской терминологией, трудно и скучно читать. Кажется, что критики пишут их, стоя далеко в стороне от действительности, тогда как она втигается в них миллионы нормальных людей, жаждущих знания, необъятного им как вооружение против врага, разбитого, но еще не уничтоженного. Ковать и сокрушать человеческое достоинство, это — вовсе не задача критика, а публичная демонстрация одногла мещанских качеств, демонстрация отношения ко всяческому человеку как к существу низшему — в сравнении с критиком — типу, демонстрирующему скучи, лени, неумения читать или раздражения на собственную бездарность.

Особенно следут бороться против бесчувственных и, в огромном большинстве, малограмматных рецензий. Кажется, еще В. Курочкин сказал:

«Свежим воздухом дышат
Без особенных претензий.
Если же плюн — так не плюн,
А особенно — рецензий!»

Редакторы весьма либерально выражают глупости рецензентов. Всегда при мой рецензии некоего Зель Штейнмана на повесть «Горы», Зазубрина, весьма авторского писателя, усердно и успешно работающего над собой в том можно убедиться, сравнив «Горы» с его первым романом «Два мира», романом, который выдержал, кажется, десять изданий и, — на мой взгляд, — должен быть всегда на книжном рынке. Рецензия озаглавлена «Творец на хлебозаготовках». С «Творцом» сравнивает герой повести, коммунист Бездумый. Не могу признать это сравнение остроумным, ибо очень легко сравнить любого человека с выдуманной полуобезьянкой, так же легко, как сравнить рецензента с любым из существующих животных, фактов, которых посвящают литературу в целом.

Например, ходят слухи, что два поэта явились в какой-то сибирский город и предложили устроить несколько чтений их стихотворений, по две тысячи за вечер. Такой шалинский горор весьма постыдился для пролетарских поэтов. Если этот слух неверен, он, все равно, постыден. И если нам, литераторам Союза советов, людям, за которыми внимательно следят пролетарии всех стран, если нам доступно коллективное сознание нации чести, национального значения и достоинства, мы должны немедленно проверять такие скверные слухи и, буде они окажутся верными, исключать жадных поэтов из числа членов Союза, а если слухи неверны — призывать к ответственности авторов этих, которая повергнет литераторов в изгнание.

Союз писателей должен принять какие-то меры против торговли безголовыми книгами. И вообще союз писателей должен создать некое коллегиальное и твердое суждение о допустимости или недопустимости некоторых фактов, творимых «единомышленниками», фактов, которые посвящают литературу в целом.

Например, ходят слухи, что два поэта явились в какой-то сибирский город и предложили устроить несколько чтений их стихотворений, по две тысячи за вечер. Такой шалинский горор весьма постыдился для пролетарских поэтов. Если этот слух неверен, он, все равно, постыден. И если нам, литераторам Союза советов, людям, за которыми внимательно следят пролетарии всех стран, если нам доступно коллективное сознание нации чести, национального значения и достоинства, мы должны немедленно проверять такие скверные слухи и, буде они окажутся верными, исключать жадных поэтов из числа членов Союза, а если слухи неверны — призывать к ответственности авторов этих, которая повергнет литераторов в изгнание.

Союз должен обратить стубое внимание на «работу» единомышленников с «единомышленниками». Работу я поставила в кавычки потому, что за некоторыми исключениями не вижу в этой работе плана, программы и даже простой грамотности. «Вся молодежь» учит «на свою образец», а ему самому еще следует учиться. И наблюдалась невероятно вред этой работы, ибо весьма часто учитель снимает с производственных учеников, которому слушают удачно написанные притчи или срвнительно грамотные рассказы. Таких учеников, исключенных из производственного процесса, ужасно мало, живут они, задыхаясь, в ковре, мозги у них сливиной набекрень, живут беспечно, и есть прямая опасность, что вместо пролетарских литераторов воспитываются паразиты пролетариата, а он — ярые вражды собственности — в собственных паразитах не пускается.

Затем следовало бы самому литераторам обратить внимание на то, как критических статей и рецензий. Критика должна учить писать, сами критики тоже должны писать просто, ясно, убедительно. Если критик умевший писать не изображается как явный или скрытый враг пролетариата, а пишет только плохо, неверно, искажая действительность, не умея отличить важное от неважного, следует скромно и серьезно объяснить ему, что неверно, почему плохо, чем искажено. А оправа не него, наравняться над ним, это значит поспользоваться приемами преподавателей неспортивных вузов в старых царских школах, где обучались интеллигенты «приемлемой в подчинении», как сказали Салтыков-Шедрин.

Статьи наших критиков почти всегда вызывают странное впечатление: знаешь, что их пишут люди, знакомые с несокрушимой логикой фло-

той же не значит короне сделать, следуя делать, уместно делать. Действие повести «Горы» развертывается на Алтае, в среде аварийного сибирского кулачка. Горный пейзаж мощных хаосов своим возбуждает в коммунисте, алдором человеке, бойце гражданской войны, инстанции превного охотника и еще кое-какие эмоции. Событие горного пейзажа весьма ярко и глубоко отразилось в фольклоре всех народов, а особенно на воображении различных видов материального и духовного мира, это свойство действительно изменяет мир, и не только физически изменяет формы материи, вытесняет ее упрямые тяжести в круг своих интересов, все более широкий. В этом мире, уже частично измененном энергией человека, эта энергия становится все более колективной силой, играет роль все более своеобразного катализатора, алементов и энергии материи. Материя рождается, решительно заявляя о себе, как о матери всех явлений мира, о матери опицательством на духом, а самоопицательством той точечной и могучей энергии, которую она создала, вместе с тем которой является человек; недавний ее пленный и раб, вышел он становиться владыкой всего сущего. Так, мне кажется, надо понимать он, Панферов.

Панферов не приедет, но обнаружил, что подлинное значение «дикскусса» (язык) не понято им, и увелчил количество малограмматной болтовни, осужденной им. Трудно понять, чего хочет, но — как будто — хочет, чтобы писатели прислушивались к «словотворчеству» деревни. Именно так, как это понимает он, Панферов.

Панферов, над эмоциями коммуниста Бездумого, «Горы» человек на голове земли, — пишет он для удовольствия селедильников, мешак, который, вероятно, до слез горюет от сцен на выставке кулачками лопатой и мордой, — с лица яркая и возбуждающая то самое отвращение к кулакам, какого они вполне достойны.

Грубоватое, но вполне естественное изображение Баззуринским жизни животных горизонтального и вертикального строения рецензент, видимо, считает недостатком. А вот в рассказе С. Гехта «Галинман Левашова», автором там также характеристики жизни: «... она с бесподобством купленной на почте лягушки отыскала все разрывные требования...» Следует сказать, что в минуты любовных занятий она смотрела не только в потолок и пол, но и в стены. Интересно, что сказать бы по поводу этих строк Штейнмана, над эмоциями которого, видимо, пишет он для удовольствия селедильников, мешак, который, вероятно, до слез горюет от сцен на выставке кулачками лопатой и мордой, — с лица яркая и возбуждающая то самое отвращение к кулакам, какого они вполне достойны.

Грубоватое, но вполне естественное изображение Баззуринским жизни животных горизонтального и вертикального строения рецензент, видимо, считает недостатком. А вот в рассказе С. Гехта «Галинман Левашова», автором там также характеристики жизни: «... она с бесподобством купленной на почте лягушки отыскала все разрывные требования...» Следует сказать, что в минуты любовных занятий она смотрела не только в потолок и пол, но и в стены. Интересно, что сказать бы по поводу этих строк Штейнмана, над эмоциями которого, видимо, пишет он для удовольствия селедильников, мешак, который, вероятно, до слез горюет от сцен на выставке кулачками лопатой и мордой, — с лица яркая и возбуждающая то самое отвращение к кулакам, какого они вполне достойны.

Панферов не приедет, но обнаружил, что подлинное значение «дикскусса» (язык) не понято им, и увелчил количество малограмматной болтовни, осужденной им. Трудно понять, чего хочет, но — как будто — хочет, чтобы писатели прислушивались к «словотворчеству» деревни. Именно так, как это понимает он, Панферов.

Панферов, над эмоциями коммуниста Бездумого, «Горы» человек на голове земли, — пишет он для удовольствия селедильников, мешак, который, вероятно, до слез горюет от сцен на выставке кулачками лопатой и мордой, — с лица яркая и возбуждающая то самое отвращение к кулакам, какого они вполне достойны.

Грубоватое, но вполне естественное изображение Баззуринским жизни животных горизонтального и вертикального строения рецензент, видимо, считает недостатком. А вот в рассказе С. Гехта «Галинман Левашова», автором там также характеристики жизни: «... она с бесподобством купленной на почте лягушки отыскала все разрывные требования...» Следует сказать, что в минуты любовных занятий она смотрела не только в потолок и пол, но и в стены. Интересно, что сказать бы по поводу этих строк Штейнмана, над эмоциями которого, видимо, пишет он для удовольствия селедильников, мешак, который, вероятно, до слез горюет от сцен на выставке кулачками лопатой и мордой, — с лица яркая и возбуждающая то самое отвращение к кулакам, какого они вполне достойны.

Грубоватое, но вполне естественное изображение Баззуринским жизни животных горизонтального и вертикального строения рецензент, видимо, считает недостатком. А вот в рассказе С. Гехта «Галинман Левашова», автором там также характеристики жизни: «... она с бесподобством купленной на почте лягушки отыскала все разрывные требования...» Следует сказать, что в минуты любовных занятий она смотрела не только в потолок и пол, но и в стены. Интересно, что сказать бы по поводу этих строк Штейнмана, над эмоциями которого, видимо, пишет он для удовольствия селедильников, мешак, который, вероятно, до слез горюет от сцен на выставке кулачками лопатой и мордой, — с лица яркая и возбуждающая то самое отвращение к кулакам, какого они вполне достойны.

Грубоватое, но вполне естественное изображение Баззуринским жизни животных горизонтального и вертикального строения рецензент, видимо, считает недостатком. А вот в рассказе С. Гехта «Галинман Левашова», автором там также характеристики жизни: «... она с бесподобством купленной на почте лягушки отыскала все разрывные требования...» Следует сказать, что в минуты любовных занятий она смотрела не только в потолок и пол, но и в стены. Интересно, что сказать бы по поводу этих строк Штейнмана, над эмоциями которого, видимо, пишет он для удовольствия селедильников, мешак, который, вероятно, до слез горюет от сцен на выставке кулачками лопатой и мордой, — с лица яркая и возбуждающая то самое отвращение к кулакам, какого они вполне достойны.

Грубоватое, но вполне естественное изображение Баззуринским жизни животных горизонтального и вертикального строения рецензент, видимо, считает недостатком. А вот в рассказе С. Гехта «Галинман Левашова», автором там также характеристики жизни: «... она с бесподобством купленной на почте лягушки отыскала все разрывные требования...» Следует сказать, что в минуты любовных занятий она смотрела не только в потолок и пол, но и в стены. Интересно, что сказать бы по поводу этих строк Штейнмана, над эмоциями которого, видимо, пишет он для удовольствия селедильников, мешак, который, вероятно, до слез горюет от сцен на выставке кулачками лопатой и мордой, — с лица яркая и возбуждающая то самое отвращение к кулакам, какого они вполне достойны.

Грубоватое, но вполне естественное изображение Баззуринским жизни животных горизонтального и вертикального строения рецензент, видимо, считает недостатком. А вот в рассказе С. Гехта «Галинман Левашова», автором там также характеристики жизни: «... она с бесподобством купленной на почте лягушки отыскала все разрывные требования...» Следует сказать, что в минуты любовных занятий она смотрела не только в потолок и пол, но и в стены. Интересно, что сказать бы по поводу этих строк Штейнмана, над эмоциями которого, видимо, пишет он для удовольствия селедильников, мешак, который, вероятно, до слез горюет от сцен на выставке кулачками лопатой и мордой, — с лица яркая и возбуждающая то самое отвращение к кулакам, какого они вполне достойны.

Грубоватое, но вполне естественное изображение Баззуринским жизни животных горизонтального и вертикального строения рецензент, видимо, считает недостатком. А вот в рассказе С. Гехта «Галинман Левашова», автором там также характеристики жизни: «... она с бесподобством купленной на почте лягушки отыскала все разрывные требования...» Следует сказать, что в минуты любовных занятий она смотрела не только в потолок и пол, но и в стены. Интересно, что сказать бы по поводу этих строк Штейнмана, над эмоциями которого, видимо, пишет он для удовольствия селедильников, мешак, который, вероятно, до слез горюет от сцен на выставке кулачками лопатой и мордой, — с лица яркая и возбуждающая то самое отвращение к кулакам, какого они вполне достойны.

Грубоватое, но вполне естественное изображение Баззуринским жизни животных горизонтального и вертикального строения рецензент, видимо, считает недостатком. А вот в рассказе С. Гехта «Галинман Левашова», автором там также характеристики жизни: «... она с бесподобством купленной на почте лягушки отыскала все разрывные требования...» Следует сказать, что в минуты любовных занятий она смотрела не только в потолок и пол, но и в стены. Интересно, что сказать бы по поводу этих строк Штейнмана, над эмоциями которого, видимо, пишет он для удовольствия селедильников, мешак, который, вероятно, до слез горюет от сцен на выставке кулачками лопатой и мордой, — с лица яркая и возбуждающая то самое отвращение к кулакам, какого они вполне достойны.

Грубоватое, но вполне естественное изображение Баззуринским жизни животных горизонтального и вертикального строения рецензент, видимо, считает недостатком. А вот в рассказе С. Гехта «Галинман Левашова», автором там также характеристики жизни: «... она с бесподобством купленной на почте лягушки отыскала все разрывные требования...» Следует сказать, что в минуты любовных занятий она смотрела не только в потолок и пол, но и в стены. Интересно, что сказать бы по поводу этих строк Штейнмана, над эмоциями которого, видимо, пишет он для удовольствия селедильников, мешак, который, вероятно, до слез горюет от сцен на выставке кулачками лопатой и мордой, — с лица яркая и возбуждающая то самое отвращение к кулакам, какого они вполне достойны.

Грубоватое, но вполне естественное изображение Баззуринским жизни животных горизонтального и вертикального строения рецензент, видимо, считает недостатком. А вот в рассказе С. Гехта «Галинман Левашова», автором там также характеристики жизни: «... она с бесподобством купленной на почте лягушки отыскала все разрывные требования...» Следует сказать, что в минуты любовных занятий она смотрела не только в потолок и пол, но и в стены. Интересно, что сказать бы по поводу этих строк Штейнмана, над эмоциями которого, видимо, пишет он для удовольствия селедильников, мешак, который, вероятно, до слез горюет от сцен на выставке кулачками лопатой и мордой, — с лица яркая и возбуждающая то самое отвращение к кулакам, какого они вполне достойны.

Грубоватое, но вполне естественное изображение Баззуринским жизни животных горизонтального и вертикального строения рецензент, видимо, считает недостатком. А вот в рассказе С. Гехта «Галинман Левашова», автором там также характеристики жизни: «... она с бесподобством купленной на почте лягушки отыскала все разрывные требования...» Следует сказать, что в минуты любовных занятий она смотрела не только в потолок и пол, но и в стены. Интересно, что сказать бы по поводу этих строк Штейнмана, над эмоциями которого, видимо, пишет он для удовольствия селедильников, мешак, который, вероятно, до слез горюет от сцен на выставке кулачками лопатой и мордой, — с лица яркая и возбуждающая то самое отвращение к кулакам, какого они вполне достойны.

Грубоватое, но вполне естественное изображение Баззуринским жизни животных горизонтального и вертикального строения рецензент, видимо, считает недостатком. А вот в рассказе С. Гехта «Галинман Левашова», автором там также характеристики жизни: «... она с бесподобством купленной на почте лягушки отыскала все разрывные требования...» Следует сказать, что в минуты любовных занятий она смотрела не только в потолок и пол, но и в стены. Интересно, что сказать бы по поводу этих строк Штейнмана, над эмоциями которого, видимо, пишет он для удовольствия селедильников, мешак, который, вероятно, до слез горюет от сцен на выставке кулачками лопатой и мордой, — с лица яркая и возбуждающая то самое отвращение к кулакам, какого они вполне достойны.

Грубоватое, но вполне естественное изображение Баззуринским жизни животных горизонтального и вертикального строения рецензент, видимо, считает недостатком. А вот в рассказе С. Гехта «Галинман Левашова», автором там также характеристики жизни: «... она с бесподобством купленной на почте лягушки отыскала все разрывные требования...» Следует сказать, что в минуты любовных занятий она смотрела не только в потолок и пол, но и в стены. Интересно, что сказать бы по поводу этих строк Штейнмана, над эмоциями которого, видимо, пишет он для удовольствия селедильников, мешак, который, вероятно, до слез горюет от сцен

